

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора филологических наук профессора Иванова Владимира Борисовича на докторскую диссертацию Когана Антона Ильича «Проблемы изучения языка кашмири в сравнительно-историческом аспекте», представленную к защите по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертационное сочинение «Проблемы изучения языка кашмири в сравнительно-историческом аспекте», посвящено комплексу проблем, связанных с распространением дардских языков и месту языка кашмири в этой группе. Актуальность рецензируемой диссертации нам видится в том, что эти вопросы малоизучены в диахроническом аспекте, и до сих пор не было удовлетворительно объяснено существенное отличие кашмири в области фонологии от прочих языков дардской группы.

В своей работе автор использует сразу несколько методов исследования: классический сравнительно-исторический метод, включающий внешнее сравнение и внутреннюю реконструкцию, типологический метод, метод лексикостатистики, причём в рамках последнего используются две различные методики: «ближайших соседей» и «наименьших средних отклонений». В конце работы автор приходит к выводу, что при изучении кашмирского материала в историческом и сравнительно-историческом аспекте филологическому методу не следует отводить первостепенную роль.

В первой главе «Диахроническое изучение языка кашмири и филологический метод. К вопросу о ранних кашмирских письменных памятниках» проводится весьма интересный разбор материалов,

представленных предшественниками (прежде всего британским индологом А. Сандерсоном) для обоснования раннего кашмирского происхождения довольно длинного ряда слов, встречающихся в средневековых рукописях. Дискуссия по каждому слову построена примерно по такому принципу: вначале приводятся аргументы других авторов за его раннекашмирское происхождение, затем обращается внимание на слабые места этой аргументации, далее обосновывается вывод о сомнительности или даже ошибочности их рассуждений. В итоге автор доказывает, что надёжными можно считать источники последних трёх веков и что свидетельства XIV–XVI вв., встречающиеся в относительно недавно записанных текстах, вряд ли можно считать убедительными.

Во второй главе автором методом внешнего сравнения и внутренней реконструкции устанавливаются регулярные фонетические соответствия между кашмири и другими дардскими языками. Среди важных выводов из этой главы помимо прочего обращают на себя внимание указания на установление регулярных соответствий в вокализме.

В последующих главах рассматриваются такие крупные проблемы, как характеристика индоарийских элементов в языке кашмири и проблемы кашмирской диалектологии. Все главы диссертации хорошо проработаны и дают много нового материала для размышлений, но, по нашему мнению, наиболее прорывной является пятая глава, где с помощью лингвостатистических методов формируется генеалогическая схема дардских языков с привязкой ко времени.

В диссертации вводится много новых идей и гипотез. В частности, очень интересны рассуждения о том, что индоарийское влияние на кашмири происходило не через суперстрат или адстрат, а через субстрат (с. 136–139).

Внушают уважение и те рассуждения на сс. 143–152, которые приводят автора к заключению о том, что сираджи и рамбани не относятся к дардской группе. Весьма логична методика, которая в дальнейшем применяется для лексикостатистических подсчётов с целью проверки гипотез о принадлежности этих языков к той или иной группе. В частности, установление соотношения долей сираджи-дардских и сираджи-индоарийских соответствий становится потом базой для предварительной гипотезы о генетическом положении сираджи.

Весьма информативны рассуждения о проблеме существования восточnodардской группы, которые основаны на сопоставлении массы материала разных языков. Они основаны на диахроническом описании рефлексов консонантных групп и кластеров, таких как (носовой + звонкий), *nt, *śr, *-ng- и т.д.

В качестве добавления к сноскам 330 на с. 206 и 336 на с. 208 следует заметить, что развитие у обозначения подмышки семантики ‘близко, рядом’ наблюдается также в персидском языке: *baqal подмышка*, *baqal-e čiz-i рядом с чем-л.* Интересно было бы в связи с этим проследить здесь ареальное влияние.

Впечатляет генеалогическое древо дардских языков, построенное в системе Starling по методу «ближайших соседей», и само обоснование расчётов, которое лежит в основе построения этого дерева (рис. 3, с. 224). Ещё более впечатляют деревья на сс. 227–228 (рис. 4–5), уточняющие структуру дерева на с. 224. Это уточнение проведено методом наименьших средних отклонений М.Е. Васильева.

Эти схемы весьма информативны, так как не только показывают нам топологию связей языков, но и датируют узлы их ветвления. Они имеют большое значение для общего языкознания, а алгоритм проведённых расчётов – это изобретение диссертанта, имеющее самостоя-

тельное значение. Он может быть успешно применён к любой группе языков.

Хотелось бы только, чтобы на будущее диссертант принял во внимание нашу точку зрения на то, что языки, имеющие письменную традицию и более или менее официальный статус (как кашмири), т.е. находящиеся под воздействием консервативных факторов, изменяются медленнее, чем бесписьменные языки. Особенно быстро меняются языки с малым количеством носителей, находящиеся на грани исчезновения. Эта точка зрения противоречит постулатам С.А. Старостина, о чём мы в своё время с ним дискутировали. Однако тот опыт, который мы получили после этих дискуссий в работе с бесписьменными языками Памира, только укрепил нас в своём мнении. Поэтому, если диссертант согласится с такой оценкой, то узел, от которого ответвляется кашмири, и который на рис. 3 (в автореферате это рис. 1 на с. 52) датируется 390 годом до н.э., следовало бы отодвинуть дальше в прошлое. Вот только неясно, на сколько именно.

Некоторые рассуждения, приведённые в диссертации, вызывают вопросы. Не может ли быть так, что слова на с. 38, приводимые в качестве примеров нерегулярных соответствий согласных, произошли от разных корней: *biyu* при др.-инд. *dvitīyaḥ* 'второй' и *bāha* при др.-инд. *dvadaśa* '12'?

В отношении слова языка торвали *hušā* 'умный' (с. 221), которое приводится в качестве примера на падение конечного поствокального [r] в персидских заимствованиях и возводится к слову кл.-перс. языка *hušyār* с тем же значением, замечаем, что в персидском существует и слово *huš* *ум*, которое может обозначать признак предмета в изафетном словосочетании. Хотелось бы уточнить, есть ли какие-нибудь основания исключать его из возможных предков соответствующего слова из торвали?

Хотелось бы узнать точку зрения автора по следующей проблеме (нам пока в диссертации информации по ней найти не удалось). Кашмири – язык с письменной традицией, поэтому приводимые автором транскрипции сомнения не вызывают. Но, начиная со второй главы, материал кашмири сопоставляется с материалом многих бесписьменных языков. Источники такого материала, как правило, не указываются (начиная со с. 70 и далее). Вопрос заключается в том, насколько надёжен этот материал? Чтобы пояснить эту проблему, приведём два примера. Нам приходилось работать с бесписьменными языками, например, с ваханским, мазандеранским, гилякским. Для экспериментально-фонетических исследований мы брали тексты, записанные академиком И.М. Стеблин-Каменским, который обладал прекрасным слухом, и научная добросовестность которого находится вне всяких сомнений, и давали их начитывать ваханцам. Но получалось так, что практически не было ни одной фразы, где бы носители языка не правили произношение. В некоторых случаях они даже не узнавали слово. Тогда мы объясняли его значение, исходя из перевода на русский язык, который приводил в своей работе И.М., и только тогда носитель языка соглашался, что такое слово действительно есть, но произносится оно совсем по-другому. Фонетическая правка в таких случаях касалась, в основном, гласных в безударных слогах. Конкретно, носителем заменялись гласные в парах [e]↔[i], [o]↔[u], [ö]↔[ü], [a]↔[ə]. Другой пример касается гилякских материалов, собранных при участии д.ф.н. А.А. Керимовой, у которой родным языком помимо русского был таджикский, и в добросовестности которой мы также не сомневаемся. Когда мы посадили гиляков начитывать затранскрибированные ей тексты, то выявилось систематическое отличие её транскрипции от их произношения. Вокализм гилякских слов соответствовал персидским правилам, в то время как в её транс-

крипции прослеживались таджикские закономерности. Вывод, который мы для себя сделали, заключается в том, что:

а) бесписьменные языки отличаются высокой вариативностью произношения;

б) каждый полевой исследователь слышит фонемный состав немножко по-разному,

в) и что его материал следует проверять на носителях.

Поэтому здесь мы обращаемся с вопросом к диссертанту: насколько типичен приводимый материал бесписьменных языков в базе данных, использованной при лексикостатистических подсчётах и приводимая в приложении к данной диссертации, и проверялся ли он на носителях?

В качестве примечания обращаем внимание на то, что слово *māl* 'имущество' среди примеров из диалекта каштвари является заимствованием из персидского.

Вопрос: на с. 188 в сноске говорится, что в настоящее время дардский и индоарийский ареалы непосредственно не соприкасаются нигде за исключением территории индийского штата Джамму и Кашмир. Просьба уточнить это положение, поскольку нам приходилось наблюдать в районе Гильгита примеры двуязычия шина-урду и кховар-урду.

Было бы желательно уточнить, могло ли быть так, что соответствие некоторых согласных (t, d, k; с. 38) нулю (Ø) или глайду [y, h] в интервокальной позиции объясняется тем, что в процессе эволюции от др.-инд. состояния к современному в парадигмах была хотя бы одна словоформа, в которой этот согласный оказывался в абсолютном исходе слова или перед согласным? Тогда упомянутые несоответствия объяснялись бы законами речевой экономии. Если же это не так, то это уточнение подтвердило бы корректность рассуждений автора.

Диссертация не лишена недостатков, в основном редакционного плана.

В работе аффрикаты противопоставляются сибиллянтам, (напр., с. 6), в то время как первое является подмножеством второго. В частности, к числу сибиллянтов относят аффрикату [č] (Ladefoged P., Maddieson I. *The Sounds of the World's Languages*. Oxford, Blackwell Publishers Ltd, 1998, p. 90).

Замечание по оформлению. В данной работе так же, как и в других работах, в которых фонетика и фонология играют важную роль и занимают значительное место, необходимо пользоваться фонологической транскрипцией, одним из принципов которой является соотношение: один звук – один знак (одна буква). Желательно поэтому придыхательные согласные типа č^h и ch (с. 16) обозначать с помощью верхнего индекса č^h и c^h. тем более, что для других целей автор верхние индексы в транскрипции использует.

Желательно также, чтобы в транскрипции указывалось ударение или хотя бы где-нибудь в начале работы давались бы общие указания на правила ударения. Тогда читатель мог бы проследить фонетические процессы в безударных слогах. Как показывает опыт изучения иранских языков, особенно сильные изменения (ослабления), в том числе выпадения согласных и даже элиминирование слога целиком, происходят в заударных слогах. Нам такого рода информацию в диссертации найти не удалось, хотя в этом плане заслуживает внимания указание на то, что, например, в языках башкарик и майян отпадение конечного гласного словоформы представляется вполне возможным (с. 198).

На всякий случай следует отметить, что нам известны случаи, когда лингвисты отрицали наличие ударения в том или ином языке. В частности, нам приходилось неоднократно слышать от наших арабистов, что, поскольку ударение не упомянуто в традиционной араб-

ской лингвистической теории, его в арабском языке нет. Аналогичные утверждения приходилось слышать и от специалистов по хинди.

Однако, если носитель языка не чувствует ударения и лингвист им не занимается, то это не значит, что ударения в языке нет. Такого рода утверждения поступают от тех, кто не занимается экспериментальной фонетикой. Языков без ударения не бывает. Достаточно взглянуть на интонограмму, и вы легко определите, какой слог в слове выделен, а какой – нет. За рубежом известны работы по арабскому ударению (J. Watson “Word stress in Arabic”, Manchester, 2011; A. Al-Thamery, M. Abdulatif Ibrahim “Word-Stress in Arabic: a Phonological Study from a Generative Perspective”, Journal of the College of Arts. University of Basrah, #38, 2005) и по ударению в хинди (И.М. Румянцев, Вокализм и ритмическая структура слова в хинди (опыт синтеза), канд. дисс. 1984; R. Nair (2001). Acoustic correlates of lexical stress in Hindi // Linguistic structure and language dynamics in South Asia. Motilal Banarasidas Publishers, New Delhi, 2001).

Как показывают наши экспериментальные исследования просодии в близкородственных языках персидском, таджикском и дари, осознание ударения зависит от такого экстралингвистического фактора как школьное образование. В Иране и Таджикистане ударение проходят в школе, а в Афганистане – нет. Поэтому носители персидского и таджикского легко определяют место ударения в слове, а носители дари (и, кстати, пушту) не понимают, что такое ударение, сколько бы им это не объясняли. Поэтому в своё время от экспериментов по восприятию ударения афганцами в синтезированной речи нам пришлось отказаться.

Насколько это можно понять из текста на с. 68, диссертант придерживается той гипотезы, что позднее развитие $u > \varepsilon$, характерное для персидских и арабских заимствований, имело место уже в преде-

лах языка кашмири после заимствования соответствующего пласта лексем из классического персидского (khōšikh ‘сушёный’ < кл.-перс. хиšk ‘сухой’; rōkhsār ‘щека’ кл.-перс. ruxsār то же; khōdā(y) ‘Бог’ < кл.-перс. xudā(y) то же и т.д.). Следует заметить, что развитие $u > \text{э}$ происходило не только в кашмири, но и в хорасанской ветви юго-западных иранских языков – персидском и дари. Надо будет подумать, имело ли это явление ареальный характер. Появление о-образного звука в персидском и дари в перечисляемых словах (совр. перс. и дари хоšk, roxsār, xodā(y), соответственно) произошло до их расхождения на отдельные языки приблизительно 5 веков тому назад ± 1 век. Поэтому, судя по всему, развитие $u > \text{о}$ происходило за пределами языка кашмири, который потом заимствовал уже готовые персидские лексемы с о-образным звуком.

Касательно двухфокусных аффрикат, упоминаемых на с. 91 и с. 101, диссертант не уточняет, каковы эти фокусы. Если полагается, что двухфокусной является щелевая часть аффрикат, то это распространённая точка зрения в иранистике, но не соответствующая действительности. В весьма солидных фонетических исследованиях уже было установлено, что двухфокусных щелевых согласных не бывает (Ladefoged P., Maddieson I. *The Sounds of the World's Languages*. Oxford, Blackwell Publishers Ltd, 1998, pp. 329–330). Соответственно, не может быть и двухфокусных аффрикат. Соответственно, повисает в воздухе и термин однофокусные аффрикаты (с. 71). Подробно этот вопрос рассматривается в нашей статье «Двухфокусные согласные в иранских языках» // *Issues of Linguistics*, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Faculty of Humanities, Tbilisi, 2012.

Переводы слов на русский язык приводятся не всегда (сс. 37–38).

В остальном диссертация написана хорошим языком, хорошо оформлена, в ней ясно излагается суть дела. Исследование выглядит очень солидно, объём работы 285 страниц. Особо следует отметить

композиционную стройность диссертации, её хорошую структурированность, логичность изложения материала, выводы к каждой главе, чёткость приводимых дефиниций.

Несмотря на отмеченные довольно редкие недостатки редакционного характера, работа заслуживает высокой оценки. Публикации в основном отражают содержание диссертации, а автореферат соответствует предъявляемым требованиям и отражает все необходимые структурные элементы диссертации. Диссертация полностью соответствует требованиям, предъявляемым к докторским работам в пунктах 9-14 «Положения о порядке присуждения учёных степеней», утверждённого постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а её автор заслуживает присвоения искомого учёного звания – доктора филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Доктор филологических наук, профессор
Кафедры иранской филологии Института
стран Азии и Африки Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова

Россия, Москва, 125009, Моховая 11,
тел.(495)-629-42-02, факс (495)-629-39-57;
электронная почта iranorus@mail.ru

В.Б. Иванов

27 ноября 2019 г.

Подпись доктора филологических наук профессора В.Б. Иванова
заверяю *зав. канцелярией Овсариенко В.А.*

